

Письма къ читателямъ.

Современная мысль стоитъ на рубежѣ: она наканунѣ перехода на новую ступень сознанія, на которой радикально измѣнятся наши взгляды на самые коренные вопросы человѣческаго бытія.

Въ прошломъ письмѣ мы говорили объ историческомъ процессѣ. Разсмаривая его со стороны культурнаго творчества, можно подмѣтить одно и то же повторяющееся явленіе; направленіе, въ которомъ идетъ творчество данной эпохи у родственныхъ народовъ, совершается по опредѣленной линіи до извѣстнаго момента, а затѣмъ наступаетъ перерывъ, требуется притокъ новой энергіи, воздѣйствіе извнѣ иныхъ оживотворяющихъ силъ. Иначе историческій расцвѣтъ смѣняется перезрѣлостью и начинается медленное увяданіе. Повидимому, внутренній ростъ культурнаго творчества идетъ по одному и тому же направленію безъ перерыва до тѣхъ поръ, пока не завершится скрытая подъ его внѣшнимъ покровомъ міровая задача, необходимая для *всего* человѣчества; послѣ чего дальнѣйшій ростъ по тѣмъ же линіямъ становится уже невозможнымъ; чтобы жить далѣе, созрѣвшая культура должна перемѣнить направленіе и затѣмъ, оплодотворенная новыми силами, возобновить свое движеніе уже по новымъ линіямъ.

Такъ было при переходѣ римской культуры, которая подготавливала формы для возникшей европейской гражданской общестственности, въ культуру христіанскую; то же явленіе повторилось въ концѣ XIV столѣтія, когда, въ такъ называемую эпоху Возрожденія, вліяніе античныхъ идей и образцовъ древне-греческаго искусства дало новое направленіе средне-вѣковому творчеству, которому безъ этого оживотворяющаго притока грозило омертвѣніе въ области науки и искусства и опасное одичаніе нравовъ.

По всѣмъ признакамъ, наше современное европейское творчество подходитъ къ такому же кризису, когда дальнѣйшее его развитіе по прежнимъ линіямъ можетъ повести уже не къ прогрессу, а къ увяданію. Какъ во всѣ эпохи подобныхъ кризисовъ, когда прежнее уже заканчивается, а новое еще не выяснилось, и наша эпоха отмѣчена всеобщимъ неудовлетвореніемъ, жаднымъ исканіемъ новыхъ путей и новыхъ свѣточей. Повидимому народное творчество полно свѣжей энергіи и внутренняго значенія лишь до тѣхъ поръ, пока осуществляются историческія задачи, нужныя *для встѣхъ*; но когда творчество уже вылилось въ опредѣленныя формы и, недавно еще заживавшія задачи перестаютъ вдохновлять, это—ясный признакъ того, что идти далѣе по прежнимъ линіямъ—безполезно; необходимо искать новыхъ путей и переходить на нихъ, ибо жизнь не можетъ остановиться, а если ее искусственно задерживаютъ изъ эгоистическихъ цѣлей, она—или опрокидываетъ поставленныя препятствія, или—начинаетъ пробивать новое русло, оставляя упорствующимъ внѣ своего живого теченія.

Но, могутъ мнѣ возразить, въ европейскомъ творчествѣ еще такъ много энергіи, такъ много еще не законченнаго, и передъ нимъ еще столько задачъ.

Относительно энергіи можно согласиться: но куда уходитъ вся эта энергія? На непрестанную борьбу общественныхъ классовъ и народовъ, на удержаніе за собой привилегированныхъ мѣстъ, на стремленіе поработить болѣе слабыхъ и, на счетъ поработенныхъ, развивать свои безудержно растущія эгоистическія потребности. Не будемъ обманывать себя: несмотря на весь блескъ нашей внѣшней цивилизаціи, несмотря на высокое развитіе матерьялистической науки, народы Востока имѣютъ полное право считать насъ варварами *) за нашъ личный и національный эгоизмъ, за наше неуваженіе къ чужой жизни, за наше попираніе чужихъ правъ, за полное несоотвѣтствіе нашихъ идеаловъ и нашей дѣйствительности, за внутреннее противорѣчіе между завѣтами нашей религіи и нашими проявленіями, за наши хищныя вождельнія, которыя такъ ярко сказываются въ картинѣ съ ногъ до головы вооруженныхъ европейскихъ народовъ, вожди которыхъ зорко подстерегаютъ минуту, чтобы броситься на сосѣда и, подобно хищнымъ звѣрямъ, начать терзать другъ друга.

Вѣрно и то, что многія изъ соціальныхъ задачъ западной Европы еще не получили своего завершенія. Но линіи, по кото-

---

*) Индусы такъ и называютъ насъ *Mlechchas*, что означаетъ дикіе, варвары.

рымъ должно пойти ихъ завершеніе, обозначились уже достаточно ясно, чтобы безошибочно предсказать, куда мы придемъ, если наша общественная жизнь будетъ развиваться въ прежнемъ направленіи.

Если вся жизненная энергія европейскаго запада по прежнему будетъ направлена на одну *внѣшнюю* культуру, а культура *внутренняя* будетъ оставаться въ пренебреженіи, всѣ его инстинкты, склоняющіе его къ борьбѣ, къ конкуренціи, къ эксплуатаціи сильнаго слабымъ перенесутся съ личностей на общественные классы, личный эгоизмъ претворится въ эгоизмъ общественный, и, получивъ санкцію закона и опираясь на большинство, онъ неминуемо поведетъ жизненное творчество сперва къ оскудѣнію, а затѣмъ и къ полному вырожденію.

Венгерскій поэтъ Мадачъ написалъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія интересную пьесу, подъ названіемъ *Трагедія Человѣка*, которую мнѣ удалось видѣть на одной изъ европейскихъ сценъ. Въ рядѣ картинъ авторъ проводитъ передъ зрителями отдѣльные эпизоды изъ человѣческой эволюціи. Изгнанный изъ рая Адамъ, выведенный изъ райскаго блаженства и невѣдѣнія Люциферомъ, засыпаетъ и видитъ себя воплощеннымъ въ различныхъ эпохахъ: то онъ египетскій фараонъ, строящій пирамиды; то древне-греческій герой Мильтіадъ, предаваемый смерти тѣмъ самымъ народомъ, которому онъ только-что вернулъ свободу; то римскій патрицій время упадка, принимающій участіе въ оргіи, страшной по своему внутреннему мраку и по внѣшнему цинизму; то средневѣковый Танкредъ, возвращающійся изъ крестовыхъ походовъ для того, чтобы перенести одно изъ самыхъ тяжелыхъ разочарованій: разлуку съ любимой женщиной, которая, несмотря на любовь къ нему, все же уходитъ въ монастырь; далѣе онъ то Кеплеръ, то Дантонъ, погибающій на эшафотѣ, а затѣмъ онъ же появляется въ видѣ лондонскаго горожанина въ темныя времена трущобъ и наконецъ—въ видѣ вымирающаго эскимоса. Но изъ всѣхъ проходящихъ передъ зрителемъ картинъ, рисующихъ ошибки, паденія и безумія человѣка на различныхъ ступеняхъ его многотруднаго пути, самое жуткое впечатлѣніе производитъ восьмая картина, которая изображаетъ торжество европейскаго социализма, проведеннаго по строгимъ линіямъ научнаго матеріализма и внѣшняго формальнаго равенства. На сценѣ фаланстеръ, и въ немъ разныя хитрыя машины и обезличенныя человѣческія фигуры въ одинаковыхъ, напоминающихъ каторгу костюмахъ, безъ личнаго имени, подъ номерами, руководимые во всѣхъ

подробностяхъ своей жизни послѣднимъ словомъ науки. Главное дѣйствующее лицо, не то администраторъ, не то врачъ, измѣряетъ черепныя кости мальчика, находитъ, что онѣ не подходятъ къ установленному образцу, и приговариваетъ непожелавшаго подчиниться общимъ правиламъ къ смерти.

Картина эта служитъ яркой иллюстраціей той мысли, что жизнь не терпитъ односторонняго развитія и принимаетъ уродливыя формы, когда средство превращается въ цѣль и начинаетъ служить препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія.

Внѣшняя культура должна быть лишь средствомъ для выраженія культуры внутренней; красотѣ и утонченности формъ должны соответствовать красота и утонченность внутренняго содержанія, а между тѣмъ европейцы сдѣлали изъ внѣшней культуры цѣль всѣхъ своихъ стремленій и, подгоняя всѣ свои понятія къ возвеличенію своего идола, пришли къ совершенно невѣрному выводу, что, усовершенствуя формы, они въ то же время усовершенствуютъ и содержаніе. Но это не вѣрно, потому что самая совершенная форма можетъ служить не добру, а злу, если она не одухотворена внутренней красотой и не приведена въ согласіе съ требованіями высшей правды.

Могучимъ противодѣйствіемъ для нашей европейской односторонности, опасныя послѣдствія которой будутъ все болѣе увеличиваться, могло бы служить внимательное изученіе иныхъ вѣрваній и иныхъ идеаловъ, освѣщающихъ жизненныя задачи съ совершенно иныхъ сторонъ, чѣмъ освѣщаемъ ихъ мы. И здѣсь мы опять подходимъ къ необходимости яснаго сознанія единства всего человѣчества, которое идетъ съ разныхъ сторонъ, но направляется къ одной и той же цѣли. Если мы возьмемъ два типа творчества, наиболѣе различные по свему характеру: творчество древняго Востока, когда онъ былъ въ своемъ апогеѣ, и европейскаго Запада въ его современномъ развитіи, мы безъ труда можемъ уловить то, что можно бы назвать „раздѣленіемъ труда“ въ огромномъ масштабѣ. Созерцательный Востокъ устремлялъ всю свою творческую силу на *внутреннее дѣланіе*; отсюда его совершенныя психологическіе методы, его высокоразвитая этика, его утонченная духовная культура и отсюда же его стремленіе къ единству. Дѣятельный Западъ выполнялъ совершенно иную задачу; онъ проводилъ свое творчество черезъ земныя формы, создавалъ высокую матеріальную культуру, которая и отвлекала всѣ его силы и вниманіе на *внѣшнее дѣланіе*; отсюда совершенство его научнаго анализа, богатство его научныхъ завоеваній, детальная

разработанность его правовыхъ и экономическихъ отношеній и отсюда же наклонность къ обособленію.

Я не могу взять на себя смѣлость дать моимъ читателямъ основательный анализъ духовнаго творчества древняго Востока, для этого потребовалось бы большая книга и большія знанія; мнѣ же хотѣлось лишь указать на то, какое богатство духовныхъ сокровищъ, какой обильный родникъ новыхъ идей и высокихъ вдохновеній могло бы почерпнуть европейское сознание изъ глубинъ этого духовнаго творчества, если бы оно сдѣлалось для насъ предметомъ внимательнаго и любовнаго изученія.

Обратимся къ древней Индіи, которая можетъ служить наиболѣе яркимъ образцомъ міросозерцанія древняго Востока. Чѣмъ отличаются ея вѣрованія отъ западнаго міросозерцанія?

Во 1-хъ, сознание единства Вселенной. Религиозное сознание древней Индіи было до того проникнуто единствомъ, что, глядя на окружающій міръ, древній Индусъ выражалъ свое отношеніе къ нему въ словахъ: *Tat twam asi*, это—ты, т. е. ты связанъ съ вселенной такими безчисленными нитями, твое я такъ переплетено съ вселенскимъ Я, что нѣтъ границъ между тобой и міромъ. Въ сознаніи древней Индіи вся міровая жизнь представляетъ собой цѣпь явленій, въ которой каждое звено соединено съ другимъ звеномъ неразрывной внутренней связью причинъ и послѣдствій, причемъ и земля со всей ея сложной жизнью лишь одна изъ переходныхъ ступеней въ этой непрерывной цѣпи живыхъ явленій. Точно также и каждое отдѣльное воплощеніе человѣка на землѣ являлось для древняго Индуса лишь „однимъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ его вѣчной жизни, имѣющей свои корни въ вѣчности и перспективу безграничнаго развитія въ будущемъ“.

Благодаря этому яркому сознанию единства, міросозерцаніе древней Индіи являлось живымъ осуществленіемъ того научно-религиознаго синтеза, котораго такъ страстно ищетъ западно-европейское расколовшееся сознание. Индусское сознание обнимало въ стройномъ единствѣ весь круговоротъ человѣческой жизни, какъ личной, семейной, общественной и государственной, такъ и посмертную эволюцію человѣка въ невидимыхъ мірахъ. Для Индуса явленія видимаго міра были лишь результаты, лишь проявленія жизни въ невидимыхъ мірахъ, ихъ отраженіе въ мірѣ матеріи.

Но несмотря на всю разницу древне-восточнаго и современнаго западно-европейскаго міропониманія, въ томъ и въ другомъ есть одно общее понятіе, которое является какъ бы мостомъ, пе-

реброшеннымъ черезъ тысячелѣтія, отдѣляющія истоки арійской мысли отъ ея современнаго теченія: это—ученіе объ эволюціи. Разница только въ томъ, что въ европейскомъ сознаніи ученіе это возникло лишь въ серединѣ прошлаго столѣтія и охватываетъ одинъ лишь кругъ внѣшнихъ явленій, тогда какъ древній Востокъ исповѣдывалъ его въ глубочайшей древности и—съ большей послѣдовательностью—подчинялъ законамъ эволюціи какъ явленія физической жизни, такъ и невидимыя явленія жизни духа.

2) Изъ этого сознанія единства вытекало совершенно иное отношеніе ко всей судьбѣ земнаго міра.

Древніе Индусы считали ее въ неразрывной связи съ дѣятельностью высшихъ божественныхъ сущностей, которыя служатъ посредствующей іерархіей между ограниченнымъ человѣкомъ и Логосомъ нашей планетной системы. Въ представленіи индуса судьбы народа слагаются подъ воздѣйствіемъ этихъ высшихъ сущностей, которыя даютъ человѣческимъ дѣятельностямъ то или иное направленіе ради отдаленныхъ благихъ цѣлей, ускользящихъ отъ ограниченнаго сознанія человѣка. Изъ того же источника исходятъ и всѣ представленія древняго Востока о земной власти. Убѣжденіе въ томъ, что высшій представитель власти имѣетъ связь съ невидимымъ міромъ, вызывало представленіе о чрезвычайно высокомъ нравственномъ уровнѣ земнаго властителя, который долженъ былъ отвѣчать всецѣло за благоденствіе своихъ подданныхъ. Такъ, Конфуцій, спрошенный однимъ царемъ, почему развелось такъ много воровъ въ его землѣ, отвѣтилъ: „еслибы ты, о царь, жилъ честно и справедливо, не было бы воровъ въ твоемъ царствѣ“. Такимъ образомъ, черезъ всѣ древніе законы Индіи проходитъ красной нитью отвѣтственность всѣхъ представителей власти за счастье, здоровье и благосостояніе народа, которымъ они управляли. Отсюда—много указаній въ древней индусской литературѣ на то, какъ нелегко было достать начальниковъ, настолько ихъ дѣятельность была отвѣтственна и трудна. За властителемъ древней Индіи стояло нѣчто, носившее въ законодательствѣ Ману названіе *Данда*, что вѣрнѣе всего перевести словомъ *Правосудіе*, которое зорко слѣдило за властителемъ и требовало отъ него полнаго безкорыстія и безусловной справедливости.

Чтобы осуществленіе такого высокаго нравственнаго уровня царей и правителей древняго Востока стало понятнымъ, необходимо прибавить, что по эзотерическимъ указаніямъ всѣ они были посвященными въ религіозныя мистеріи. Но, чтобы быть допущен-

нымъ къ посвященію, необходимо было пройти черезъ строгую школу воспитанія, которая развивала духъ терпимости и самообладанія, строгое чувство отвѣтственности и отреченіе отъ всѣхъ личныхъ интересовъ. Правитель былъ въ то же время и мудрецъ, понимающій внутренній смыслъ явленій и связь этихъ явленій съ прошлымъ и будущимъ управляемаго народа. Любопытно сравнить эту идею сосредоточенія власти въ рукахъ наиболѣе мудраго съ западно-европейскимъ идеаломъ народовластія. Каковы будутъ послѣдствія полного проведенія въ жизнь этого идеала, можно отчасти судить по тѣмъ результатамъ, которые уже начинаютъ обнаруживаться въ странѣ, гдѣ народовластіе осуществлено въ наибольшей полнотѣ. Я говорю объ Австраліи и вспоминаю рѣчь австрайлійскаго министра земледѣлія Суинбурна, который выразилъ сѣтованія наиболѣе образованныхъ людей своей страны такимъ образомъ:

„Австралія—одна изъ богатѣйшихъ странъ міра; она осуществила вполнѣ принципъ демократіи, ея жители обладаютъ самыми широкими правами, а между тѣмъ мы отстаемъ отъ другихъ странъ и въ дѣлѣ воспитанія, и въ постановкѣ образованія, и въ другихъ важныхъ отдѣлахъ общественной жизни. Возьмемъ школы; всѣ онѣ въ рукахъ самого народа, но онѣ ведутся отвратительно; народъ гораздо меньше думаетъ о здоровомъ воспитаніи молодого поколѣнія, чѣмъ объ аристократическомъ правительствѣ. Точно также мы скверно относимся и къ нашимъ преступникамъ, къ сумасшедшимъ, которые переполюютъ сумасшедшіе дома, и къ нашимъ бѣднымъ. Никогда люди не нуждались такъ сильно въ мудрости, какъ нуждаемся мы теперь. Да, мудрости. Въ этомъ вся трудность. Какъ найти ее и какимъ образомъ водворить ее на мѣсто власти?“ Въ признаніи этомъ ярко сказалась та истина, что обезпеченное закономъ юридическое равенство безъ *чувства братства* и самыя высокія общественныя формы безъ *внутренней культуры* вовсе еще не обезпечиваютъ истиннаго прогресса.

3) Слѣдующей особенностью древняго Востока является высокое развитіе идеи *Долга*. Но для древняго индуса эта идея—по санскритски *Дхарма*—выражала гораздо болѣе, чѣмъ наше понятіе о долгѣ. Для него она означала необходимость познать свое мѣсто въ міровой эволюціи и выполнять всѣ обязанности, налагаемыя имъ, какъ можно совершеннѣе. Онъ зналъ, что весь его будущій прогрессъ въ полной зависимости отъ того, будутъ ли имъ выполнены всѣ его обязательства, и зналъ, что если онъ ихъ не выполнитъ, никакое движеніе впередъ для него невоз-

можно. Долгъ по отношенію къ старшимъ, долгъ къ равнымъ, долгъ къ низшимъ, долгъ относительно животныхъ, вся жизнь древняго индуса была насквозь проникнута сознаниемъ долга и ему и въ голову не приходило оправдываться тѣмъ, что другой нарушилъ свой долгъ. Отсюда кроткое и терпѣливое настроеніе индусскаго народа, совершенно противоположное боевому настроенію западно-европейскихъ народовъ, у которыхъ такъ ярко сознание своихъ правъ и такъ призрачна идея долга.

4) Отсюда же вытекаетъ и другое чрезвычайно важное различіе восточныхъ и западныхъ идеаловъ. Восточный кодексъ нравственности никогда не поставитъ одного и того же требованія младенцу и зрѣлому мужу, человѣку неразвитому и человѣку ученому.

На востокѣ классъ воиновъ имѣетъ свой нравственный идеаль, отличный отъ идеала брамановъ, точно такъ же нравственный идеаль купца будетъ отличаться отъ идеала крестьянина и т. д. Отъ слуги требуется лишь послушаніе, честность и усердное служеніе, и другихъ требованій ему уже не поставятъ, но эти требованія онъ долженъ выполнять въ совершенствѣ. Такимъ образомъ, каждой ступени эволюціи соотвѣтствуютъ свои требованія нравственности, и по мѣрѣ того, какъ человѣкъ, воплощаясь снова и снова, поднимается на высшую ступень, и предъявляемая къ нему требованія растутъ.

На востокѣ нѣтъ противорѣчій между религіей и знаніемъ; тамъ мудрость законодателей не противорѣчитъ религіознымъ началамъ, а, наоборотъ, насквозь проникнута ими. На западѣ высокій нравственный идеаль Христа не только не входитъ въ соображеніе государственныхъ людей и законодателей, а, наоборотъ, откровенно признается непримѣнимымъ къ жизни.

И это до такой степени, что лондонскій епископъ *) нашель возможнымъ произнести слѣдующія знаменательныя слова: „Если бы одинъ изъ современныхъ народовъ взялъ за основу своего поведенія Нагорную Проповѣдь, онъ былъ бы обреченъ на неизбѣжную гибель“.

5) Идеаль простоты въ жизни, идеаль добровольной бѣдности. На востокѣ богатство никогда не пользовалось особымъ почетомъ; наоборотъ, скопленіе богатства предоставлялось третьей кастѣ, у двухъ высшихъ кастъ были иныя задачи. Правда, у владѣтельныхъ князей Индіи можно увидать много драгоцѣнностей и общественное служеніе ихъ обставлено пышнымъ великолѣ-

*) Слова эти упоминаются въ одной изъ недавнихъ лекцій А. Безантъ, произнесенныхъ въ Лондонѣ.

пiемъ, но это относится лишь къ торжественнымъ выходамъ. Домашняя жизнь раджей и правителей чрезвычайно проста и мало чѣмъ отличается отъ жизни простого народа. Что же касается касты брамановъ, т. е. учителей народа, то для нихъ богатство было бы не только не почетно, а, наоборотъ, послужило бы большимъ укоромъ. Величайшимъ почитанiемъ пользуются въ Индiи бѣдные, но ученые браманы, передъ которыми и раджа и богачъ склоняются почтительно до земли. Этотъ простой строй жизни вырабатываетъ благородную простоту нравовъ въ высшихъ классахъ, совершенно доступную и для простого народа. Всѣ путешественники и всѣ жившiе въ Индiи единодушно утверждаютъ, что Индусы отличаются изящной выдержанностью и благороднымъ самообладанiемъ, и самый бѣдный крестьянинъ производитъ впечатлѣнiе челоуѣка воспитаннаго и сознающаго свое челоуѣческое достоинство.

Наша европейская жизнь, наоборотъ, все болѣе осложняется, а загромождающiе ее безчисленные предметы показной и безвкусной роскоши грозятъ совсѣмъ изгнать изъ нашего быта истинную красоту съ ея благородной простотой.

Мое письмо пришло къ концу. Въ немъ лишь слегка намѣчены главныя черты восточныхъ идеаловъ, но уже и эти черты говорятъ о томъ, какимъ неисчерпаемымъ источникомъ новыхъ идей и вдохновенiя могъ бы послужить для современнаго европейскаго сознанiя научно-религiозной синтезъ древняго Востока.

Но да не подумаютъ мои читатели, что я зову ихъ назадъ, или желаю насаждать восточныя вѣрованiя на европейской почвѣ. Какъ въ среднiе вѣка возрожденiе античныхъ идей и античной красоты послужило лишь къ освобожденiю христіанской культуры отъ мрачнаго фанатизма и узкой нетерпимости, такъ и возрожденiе древней Индiи можетъ лишь возвеличить европейскую культуру, вливъ въ нее элементъ духовности, освободивъ понятiя современныхъ христіанъ отъ мертвящаго матеріализма и освѣтивъ новымъ свѣтомъ еще неразрѣшенные проблемы личной и общественной жизни.

Когда знаешь, что челоуѣчество едино и его творчество во всѣ вѣка и во всѣхъ частяхъ земного шара лишь проявленiе различныхъ сторонъ его сознанiя, всякое соперничество и желанiе возвеличить свои вѣрованiя на счетъ чужихъ исчезаетъ. И мечта о единомъ стадѣ и единомъ Пастырѣ перестаетъ быть мечтой, а становится твердой увѣренностью.

Другъ читателя.